

«БЕЗ ВЕРЫ НЕЛЬЗЯ»: РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В ЛИРИКЕ АННЫ АХМАТОВОЙ

М.С. Малиновская, V курс, ФБиРФ
Научный руководитель – к.ф.н., доц. Н.Л. Сержант

«...Она странна и стройна, худая, бледная, бессмертная и мистическая. ... Она умна, она прошла глубокую поэтическую культуру, она устойчива в своем миросозерцании, она великолепна...». Так отзывались современники об Анне Андреевне Ахматовой – известнейшем русском поэте XX века. К её творчеству неоднократно обращались критики и литературоведы. Но религиозные мотивы в творчестве Анны Андреевны не относятся к числу хорошо изученных в силу всем известных идеологических причин. Однако сейчас религиозность поэтессы – бесспорный факт.

Протоиерей Михаил Ардов говорил о том, что «больше всего написанного на свете Ахматова любила Библию. Она великолепно знала Ветхий и Новый Завет. К цитатам из Писания она часто прибегала как в жизни, так и в творчестве» [2, с. 271]. Ахматова была не только верующим, но и церковным человеком. Ее церковность включала в себя интерес к церковной архитектуре, к житиям святых, церковной службе и церковному календарю. В церкви она вела себя уверенно, чувствовала себя в родной обстановке. Всё это не могло не отразиться в творчестве поэтессы. «Умолк простивший мне грехи. / Лиловый сумрак гасит свечи, / И темная епитрахиль / Накрывает голову и плечи. / Не тот ли голос: «Дева! Встань...» / Удары сердца чаще, чаще... / Прикосновение сквозь ткань / Руки, рассеянно крестящей» [1, с. 483]

Библейско-евангельские цитаты и реминисценции, имена, упоминаемые даты, святые создают особую атмосферу в её лирике. Многие стихотворения насыщены православно-христианской символикой и церковной атрибутикой. Здесь и образы православных храмов, и фрагменты церковных ритуалов, и ссылки на Священное Писание и житийную литературу, и особенно часто встречающиеся лексемы молитвы, моления: «А юность была – как молитва воскресная...», «Молюсь оконному лучу...», «Помолись о нищей, потерянной, о моей живой душе...», «Так молюсь за Твоей Литургией...», «А над кроватью надпись по-французски гласит: «Господи, помилуй нас».

Встречаются в стихотворениях евангельские реминисценции. Отсылают к Евангелию строки «Господи! я нерадивая, твоя скупая раба» из стихотворения «Дал Ты мне молодость трудную...». Это притча о злом рабе, которому Господь простил огромный долг, но тем не смягчил скупого сердца. О «нерадивом рабе» сказано у Матфея (25, 14-31) и у Луки (19, 12-27) в притче, известной как притча о талантах. Притча о талантах – это притча о Суде, об ответственности, которую человек несет за собственную жизнь как за дар Бога: «...имеющему дастся и приумножится; а у не имеющего отнимется и то, что он имеет» (Мф. 25, 29) [3, с. 1032].

В «Песне о песне» евангельская цитата звучит в общем контексте размышлений о пути и предназначении поэта – не только избранника, но и Божьего раба: «Я только сею. Собрать / Придут другие. Что же! / И жниц ликующую рать / Благослови, о Боже!» [1, с. 365]. Смиранный, как известно, просит у Бога только сил, терпения и благословения на труд. Именно такого благословения на общее дело просит героиня стихотворения. В Евангелие от Иоанна читаем: «Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную, так что и сеющий и жнущий вместе радоваться будут. Ибо в этом случае справедливо изречение: "один сеет, а другой жнет» (Ин. 4, 36-37) [3, с. 1134].

В стихотворении «Я так молилась: «Утоли...», прося у Бога милости, героиня вспоминает и евангельские исцеления слепых и немых: «Так я, Господь, простерта ниц: / Коснется ли огонь небесный / Моих сомкнувшихся ресниц / И немоты моей чудесной?» [1, с. 497]. В Евангелии физическая немощь часто – знак немощи духовной. Так сомкнувшая ресницы слепота означает не только внешний мрак, но и помрачение души – грехом или неверием. Как в рассказе об исцелении слепых: «Веруете ли, что Я могу это сделать?» – ... "ей, Господи!" – ... – И открылись глаза их» (Мф. 9, 28-29) [3, с. 1048]. В христианской традиции немота – нередко и знак высшего знания. Немота бывает таинственна и священна. У Ахматовой она «чудесна».

Однако наряду со стихами, в чем-то близкими к молитве, встречаются произведения совершенно иного плана. Их можно считать проявлениями бытовой религиозности, а иногда и невольного хошунства. Так, крест для ахматовской героини не только знак «сораспятия» Христу, но и «золотой нательный крестик», которым можно расплатиться с цыганкой за гадание («У самого моря»), памятный сувенир о бывшем возлюбленном («Когда в мрачнейшей из столиц...») и даже амулет, приносящий удачу в страстной любви («Побег»). Есть и прямо нехристианское отношение к действительности, особенно в связи с темой смерти. Для человека, считающего себя христианином, невозможно молить Бога о смерти, а тем более утешать себя мыслями о самоубийстве. Но героиня даже просит на это благословения: «И я стану – Христос помоги! – На покров этот, светлый и ломкий». Также в ранних стихотворениях слово «рай» применимо обычно к другим: это путь другого; свое же чаще – ад.

Стоит отметить, что у Ахматовой практически нет чисто религиозных стихотворений, она редко говорит о предметах веры напрямую. Однако все темы в творчестве поэтессы пронизаны библейскими образами, и переоценить роль религиозного пласта в творчестве Анны Ахматовой невозможно. Поэтическое самоопределение у неё тесно связано с самоопределением духовным. «Я Господу сердце своё отдала», – напишет Анна Андреевна.

Последние годы жизни Анна Андреевна провела в подмосковном санатории и сожалела только о том, что там не было Библии.

Обращаться к творчеству Анны Андреевны Ахматовой и открывать в нём каждый раз нечто новое просто необходимо, потому что её лирика помогает

видеть прекрасное, распознавать истинную любовь, которую поэтесса видела в Боге, ведь Бог и есть сама любовь!

Литература

1. Ахматова, А. Малое собрание сочинений / А. Ахматова. – М. : Азбука, 2012. – 624 с.
2. Ардов, М. Монография о графомане : воспоминания / М. Ардов. – М. : Захаров, 2004. – 522 с.
3. Библия. – М. : ЗАО БММ, 2013. – 1376 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ